

УДК 94 (571.5)

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОЗЕРНОГО ЛАГЕРЯ (ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ) В КОНЦЕ 1940 – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

© **О.В. Афанасов**

В статье рассмотрены особенности идеологической обработки заключенных Озерного лагеря на различных этапах его существования, исследованы основные формы оперативной и культурно-воспитательной работы с осужденными, которые использовались в советских местах лишения свободы в конце 1940 – начале 1960-х гг.

Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: Гулаг, Озерный лагерь, заключенные, идеологическое воздействие.

SPECIFICS OF PROPAGANDA ON PRISONERS OF OZERNY CAMP (IRKUTSKAYA OBLAST') IN LAST 1940-s – EARLY 1960-s

O.V. Afanasov

Author describes in this article specifics of ideological processing of prisoners of Ozerny Camp in different stages of its history as well as researches the main types of operative and ideological-cultural work on the prisoners typical for the Soviet jails in last 1940-s – early 1960-s.

22 sources.

Keywords: Gulag, Ozerny Camp, prisoners, ideological processing.

Осуществление основного принципа советской пенитенциарной политики – перевоспитание осужденных трудом сопровождалось интенсивной идеологической обработкой заключенных в местах лишения свободы, включая и Озерный лагерь, располагавшийся в 1948–1963 гг. в районе железнодорожной магистрали Тайшет – Братск – Лена. Однако формы и методы воздействия на узников в различные периоды существования Озерлага отличались друг от друга и зависели от политической ситуации в стране.

Во времена сталинского руководства главной целью идеологического воздействия на заключенных особого лагеря № 7 МВД СССР «Озерный» являлось недопущение возможных нарушений лагерного режима – неповиновения лагерной администрации, отказов от работы, побегов и прочих. О «перевоспитании» узников особенно не заботились, понимая, вероятно, бессмысленность данной затеи среди «особо опасных государственных преступников».

К тому же длительные сроки заключения наряду с практикой использования «особого контингента» преимущественно на тяжелых физических работах осложняли перспективу их благополучного освобождения.

За соблюдением режима охраны заключенных в особлаге № 7 следили аппараты двух специальных отделов лагеря – первого отдела и отдела МГБ, в подчинении которых находились оперативные части, существовавшие при каждом лагерном пункте. Работники этих органов (оперуполномоченные), находясь в тесном контакте с руководством подразделений, наблюдали за умонастроениями осужденных, выявляли нарушителей режима, вербовали агентов, то есть доносчиков-осведомителей из числа заключенных.

По воспоминаниям узника Озерлага Карло Штайнера, «за заключенными особых лагерей следили внимательнейшим образом. В каждом лагере имелись два оперуполномоченных. К традиционным представителям МВД добавили офицеров МГБ

(министерство государственной безопасности), созданного в 1946 году. Эти два аппарата тем сильнее терроризировали невольников, чем больше засылали в среду заключенных своих «стукачей». Узники боролись с доносчиками всеми средствами, при необходимости прибегали к убийству» [22, с. 315].

Работу по созданию «агентурной сети» среди заключенных спецслужбы Озерлага начали проводить уже в период формирования лагеря, но в первый год существования особлага № 7 нашлось немного желающих доносить на товарищей по несчастью, а те, кого удалось завербовать, не отвечали, по утверждению должностных лиц, требованиям «оперативной деятельности». Так, в выступлении сотрудника отдела МГБ Яковлева на общем собрании парторганизации данного спецподразделения 30 ноября 1949 года подчеркивалось, что «оперативное отделение работает еще неудовлетворительно, по существу, отделение оперативной работой не занималось, вербовок агентуры проведено очень мало, причем многие вербовки оказались недоброкачественными: старший оперуполномоченный тов. Иванов завербовал к себе в сеть агента, с которым нужно разговаривать через рупор, потому что он глухой. Спрашивается, что даст нам полезного в работе такой агент?.. Старший оперуполномоченный тов. Костоусов вступил в панибратские отношения с резидентом, вместе с которым пьянствует... В работе с резидентом нарушил элементарные правила конспирации... Работники отделения не знают... положения на отдельных колоннах, потому что там у нас агентуры совершенно нет» [3, л. 16–17].

О том, как происходила вербовка в «стукачи» в конце 1950-х годов (с особлаговских времен эта процедура не претерпела существенного изменения), «озерлаговец» Борис Вайль писал: «Они мне ничего не сулили, только очень туманно говорили о возможности досрочного освобождения... Это были офицеры МВД, а не КГБ (но обе эти организации работают в тесном контакте, и фактически в этом союзе главенствует КГБ). Поэтому текст подписи, которую они мне предложили, был точно такой же, ка-

кой был предложен в свое время Солженицыну: «...даю обязательство сообщать о готовящихся побегах заключенных... поджогах и подкопах»... Я намеревался в случае следующих вызовов говорить, что о побегах, поджогах и подкопах мне ничего не известно. Я выбрал псевдоним (они мне предложили: Борисов) и подписал подписку о неразглашении» [2, с. 264].

Постепенно численный состав «агентуры» спецорганов особлага № 7 увеличивался. В начале 1950-х из доносчиков стали формировать так называемые «бригады содействия», члены которых негласно сообщали о нарушениях лагерного режима. Выступая на закрытом партийном собрании первичной парторганизации первого отдела Озерлага, состоявшемся 16 апреля 1951 года, работник отдела Жук докладывал, что к тому времени в целом по лагерю имелось 2384 человека негласных членов бригад содействия по предупреждению побегов заключенных. Помимо обнаружения осужденных, склонных к побегу, они занимались выявлением нелегальной переписки с волей, мест хранения запрещенных предметов и других нарушений лагерного режима, следили за представителями «бандитствующего элемента». При этом в первом квартале 1951 года через негласных членов бригад содействия было выявлено 50 заключенных, активно готовящихся к совершению побега [6, л. 40]. В упомянутом докладе сотрудника первого отдела Озерлага приводились и конкретные примеры деятельности «бригад содействия»: «В лагерном пункте № 04 член бригады содействия донес, что группа заключенных, руководимая заключенными Жук И.Т., осужденного по ст. 58-1 «а» («измена Родине».— О.А.) на 25 лет, и Мирошниченко В.С., усиленно активизировала подготовку вооруженного группового побега путем разоружения конвоя. В указанной группе было 15 человек, все они переведены на штрафной режим.

15 марта в лагерном пункте № 010 член бригады содействия Прокопенко сообщил, что заключенные А.И. Конторович, А.Б. Рубин, Н.П. Бондарь, работающие в электромеханическом цехе, договариваются между собой о разоружении при первом удобном случае конвоиров и совершении

группового побега. Данная группа заключенных переведена на штрафной режим.

Член бригады содействия в лагерном пункте № 020 12 марта 1951 года сообщил, что заключенный Жаров Петр Леонтьевич... собирается бежать с наступлением тепла. При обыске у Жарова обнаружена составленная им карта с нанесением близлежащих населенных пунктов и дороги.

В том же лагерном пункте член бригады содействия сообщил, что заключенный Ляхов занимается распространением антисоветских листовок среди заключенных с призывом к массовому побегу из лагеря. Ляхов привлекается к уголовной ответственности» [6, л. 40–41].

Предательская деятельность доносчиков, обычно не могла долго оставаться незамеченной, через некоторое время «стукачей» выявляли и при необходимости устраняли. Как написал в воспоминаниях Борис Вайль, «стукачей», как правило, быстро демаскируют, потому что в лагерях все происходит на людях и трудно быть незамеченным. Всюду люди, всюду глаза. Люди здесь «тертые», наблюдательные. Свое истинное нутро здесь трудно скрыть... заключенные – хорошие психологи» [2, с. 244]. Об этом явлении лагерной жизни рассказывала в мемуарах и М.А. Улановская. По ее словам, «стукачи», которые встречались ей в лагере, были жалкими существами. Они редко совершали крупное предательство, а в основном «гадили по мелочам». Их деятельность была «бытовым явлением», неизбежным злом в лагере, но хуже было бы не доверять людям из страха нарваться на «стукача» [19, с. 331].

Кроме спецотделов с их «агентурной сетью» в целях укрепления режима, «разоблачения вражеской идеологии» в особлаге «Озерный» проводили работу культурно-воспитательный отдел (КВО) и подчиненные ему культурно-воспитательные части (КВЧ), существовавшие при каждом лаготделении. В их ведении находились немногочисленные лагерные библиотеки, клубы, киноаппаратные, радиоузлы. Однако в особлаговский период роль КВО и КВЧ в идеологической обработке заключенных Озерлага была незначительной, а большинство узников к деятельности «культурно-

воспитательных» работников относилась с пренебрежением. Неслучайно на одном из собраний партийного актива (25–26 февраля 1950 года) особлага № 7 говорилось о том, что «заключенные лагеря работников КВЧ называют лагерными геббельсами» [4, л. 46]. О подобном отношении к культурно-воспитательной части писал в своих воспоминаниях и Д.А. Быстролетов: «КВЧ – это уж действительно низ, дно лагерной администрации! Вот эту часть презирали решительно все – и начальство, и заключенные. Штат КВЧ обычно состоял из трех человек: начальника с культурным уровнем постового милиционера, бытовика или урки, окончившего срок и могущего приносить из зоны почту и посылки, и уборщицы тети Маши или тети Саши, которая раз в день елозила грязной шваброй по серому от грязи полу. Такой аппарат и должен был культурно воспитывать заключенных. Если на лагерном пункте не было большого зала или сцены, и отсутствовали материальные возможности, то КВЧ просто прозябала в неизвестности» [1, с. 38].

Тем не менее на некоторых крупных лагерных пунктах особлага № 7, в частности, на Центральном авторемонтном заводе (ЦАРМЗ) г. Тайшета (лагпункт № 048) и Центральной лагерной больнице № 1 (лагпункт № 02), при культурно-воспитательных частях в 1949 году были созданы культбригады, члены которых, в большинстве своем профессиональные артисты и музыканты, проводили концерты художественной самодеятельности, ставили спектакли и оперетты.

Особо следует отметить культбригаду, существовавшую на лагерном пункте № 048 вблизи Тайшета. Для ее формирования инспектор культурно-воспитательного отдела (КВО) Озерлага Скрыгин специально ездил по лагерным подразделениям, раскиданным вдоль железнодорожной трассы Тайшет – Братск, и набирал лучших актеров, музыкальных исполнителей, танцоров и певцов, что говорило о значимости данного мероприятия для лагерной администрации: впоследствии концерты творческого коллектива посещали высшие лагерные чины во главе с начальником управления полковником С.К. Евстигнеевым.

В результате специального отбора в цармзовскую культбригаду попали настоящие виртуозы своего дела. «Все это были актеры Киевской оперы, Днепропетровского театра, Одесской оперетты, – вспоминал узник Озерлага Е.А. Рудаковский, работавший на 048 колонне старшим бухгалтером. – Солистка Леренс и меццо-сопрано Спендиарова, дочь знаменитого классика армянской оперы. Контральто Курулянец – артистка Ростовского театра. Попов, Клецкий – актеры Николаевской оперетты. Москвичи Колосов, Кулик, Алферов, Сергеева, Машикова. Целая группа симфонических музыкантов из Прибалтики во главе с дирижером Кантутисом. Наконец, композитор Хайт, чье «Все выше и выше» гремело по стране» [15, с. 144].

Пианистка этой культбригады – Т.А. Барышникова (Перепелицына), вспоминала и других участников творческой группы, в том числе, солистку Большого театра, блестящую пианистку Л.А. Баклину, актера Рязанского ТЮЗа И.И. Флерова, москвича Азерского, занимавшегося режиссерской работой. Упоминала и прекрасных танцоров – Евгения Алексея, Александра Кравцова, Петра Рябых-Рябовского, Тамилу Мартынову – солистку балета Одесской оперы, талантливую танцовщицу из Эстонии Асту Лекстейн, украинского балетмейстера Пуставойтенко. «Но самым интересным и внушительным в культбригаде на ЦАРМЗе, – по словам автора, – был оркестр. Возглавлял его Вячеслав Петрович Кантутис. Подобралась очень сильная профессиональная команда... Скрипачи: Дмитрий Хорунжий; австриец Петр Вучковский... виолончелисты: Виталий Барышников, мой муж, и Рейга, эстонец, был очень хороший трубач Павел Долматов, прекрасный кларнетист Александр Булатов и флейтист Евгений Гриневич... был хороший тромбонист и трубист, эстонцы, был молоденький мальчик Йозик Сушко, или Юзик, как мы все его звали, баянист, очень талантливый мальчик. А я была пианисткой. Первой скрипкой был Сариев, профессиональный скрипач... Позже к нам приехала Надежда Самуиловна Кравец, выпускница Московской консерватории. Естественно, она стала первой

скрипкой нашего оркестра. Кантутис был великолепный оркестровщик и аранжировщик. Из этого малого симфонического состава он извлекал божественные звуки путем очень грамотной и искусной аранжировки» [15, с. 181].

На цармзовских «подмостках» исполнялись оперетты Кальмана («Сильва», «Марица», «Баядера») и Легара («Веселая вдова»), сцена письма Татьяны из оперы «Евгений Онегин», отрывки из некоторых пьес («Укрощение строптивой» и др.) [15, с. 144, 181, 193]. «В основном делали концертные программы, но колоссальные, театрализованные, по два-три часа, – писала Т.Н. Барышникова, – они шли как единое представление. В программы включались и большие отрывки из драматических спектаклей, из опер... Приходилось, конечно, в этих условиях делать все: и танцевать, и произносить какой-то драматический текст. Иногда я выходила танцевать, в каких-то плясках участвовать» [15, с. 181]. Слушателями и зрителями концертных выступлений были не только представители лагерного управления, охраны и надзирательского состава, но и вольнонаемные работники ЦАРМЗа и, конечно, многочисленная аудитория заключенных лагерного пункта № 048.

Настоящим событием в жизни культбригады и всего Озерлага стало прибытие в лагерь Лидии Андреевны Руслановой, осужденной по ложному обвинению вместе со своим мужем генерал-лейтенантом В.В. Крюковым. Ее недолгое пребывание в творческом коллективе оставило яркое впечатление у всего «населения» лагпункта № 048. О своей встрече с «жемчужиной русской песни» Т.Н. Барышникова рассказывала: «Бог меня простит, но я не была особой поклонницей этого жанра. Я редко слышала ее в концертах... Но то, что я увидела в лагере, сделало меня самой горячей, самой искренней ее поклонницей. Это был мастер в самом высоком значении этого слова. Удивительной красоты и тембра голос, поразительная способность к перевоплощению. Она играла каждую песню, проживала каждую песню на сцене... Она не была страдающей, растерзанной, раздавленной. Нет, она держалась с мужеством и

достоинством, которое в ней просто пора- жало, потому что эта была звезда» [15, с. 183].

Особенно запечатлелось в памяти ме- муаристов первое выступление певицы в Озерлаге. «И вот первый концерт с участи- ем Л. Руслановой, – писал ее аккомпаниа- тор И.Ф. Сушко. – Ее выступление было в конце второго отделения. Зал гремит ова- циями. Лидия Андреевна вышла на сцену, трижды поклонилась и долго стояла молча, потом заговорила: «Дорогие мои, злая наша доля, но я рада, что в этой беде смогу вам петь и облегчить нашу участь. Не аплоди- руйте мне много, потому что я буду петь столько, сколько у меня будет сил, а у вас терпения меня слушать» [20]. Об этом со- бытии вспоминал и Е.А. Рудаковский: «Многие из нас впервые слушали Руслано- ву. Всех она очаровала, все были влюблены в ее голос, в ее русскую удаль, каждая пес- ня вызывала гром оваций. А когда в заклю- чение она спела свои «коронные» «Вален- ки», то восторг и ликование не поддаются описанию. По окончанию концерта мы унесли ее на руках в барак под окрики начальства» [15, с. 148].

В суровых лагерных условиях немно- гочисленные концерты и спектакли коллек- тивов художественной самодеятельности были для заключенных истинным праздни- ком, давали возможность на время отрешиться от повседневных забот и окунуться в атмосферу прежней вольной жизни. В них «...ощущалось робкое, едва заметное, но все же дыхание свободы, а тосковали по ней не только каторжники, но подсозна- тельно и их тюремщики» [22, с. 14].

Разумеется, участники культбригады находились в более привилегированном положении по сравнению с другими лагер- никами. Они «...освобождались от нена- вистой общей работы, им разрешалось но- сить на голове волосы», чем они «необы- чайно дорожили», – писал бывший узник Озерлага Д.А. Быстролетов [1, с. 38]. О том же говорилось и в воспоминаниях Е.А. Ру- даковского: «...все актеры были обеспече- ны диетическим питанием... относитель- ным вниманием, поблажками режима» [15, с. 144]. Все это «...может быть, даст повод бросить в них камень», – рассуждала

Т.Н. Барышникова. Но, предвосхищая воз- возможные упреки в конформизме, далее утверждала: «...благодаря искусству мы не только сами поднимались немножко над страшным лагерным бытом, но помогали и другим хоть на несколько минут, хоть на какие-то мгновения забыть о том ужасе, который нас окружал. Мне кажется, это было очень важно» [15, с. 172]. С этими словами автора трудно не согласиться.

Однако деятельность культбригад в де- ле культурного просвещения заключенных по иному воспринималась лагерным руко- водством, которое усмотрело в работе творческих коллективов заключенных по- тенциальную опасность для лагерного ре- жима. Выступая на собрании партийного актива Озерлага (25–26 февраля 1950 г.), заместитель начальника отдела МГБ Ципе- лев отмечал: «Враги используют в ряде случаев культурно-воспитательную работу для того, чтобы протащить на сцену и в бы- ту свои вражеские проявления» [4, л. 46]. В том же, 1950 году лагерные культбригады прекратили свою деятельность и были рас- формированы.

Упразднение творческих групп заклю- ченных в Озерлаге укладывалось в общее направление культурно-воспитательной ра- боты с узниками особлагов. Так, в выступ- лении начальника КВО Озерного лагеря Балышева на собрании партийно- хозяйственного актива (23 апреля 1951 г.), сообщалось: «Министерством внутренних дел разработана инструкция о культурно- воспитательной работе с особым контин- гентом. Начальник ГУЛАГа требует, чтобы эта инструкция выполнялась и проводилась в жизнь. Основной задачей является укреп- ление режима и дисциплины... . Есть изме- нения в культурно-воспитательной работе, как-то: запрещение радиопередач, художе- ственной самодеятельности, наглядной аги- тации. Основным остается – обеспечение режима, внутрилагерного порядка, выпол- нение производственного плана» [5, л. 22].

В том же – 1951 году в Озерлаге был создан отдел режима и оперативной рабо- ты, главными функциями которого явля- лись: охрана и изоляция заключенных, обеспечение порядка в лагерных пунктах, подавление групповых выступлений за-

ключенных, пресечение попыток к побегу и розыск бежавших узников [7, л. 66]. Кроме того, как следует из партийных материалов особого лагеря № 7, «по воле тюремного управления МВД культурно-воспитательный отдел лагеря» был «упразднен и преобразован в отделение отдела режима» [9, л. 5].

Свертывание культурно-воспитательной работы в спецлагерях не могло отбить у людей естественную потребность в самовыражении, реализации своего творческого потенциала. В этих условиях заключенные искали и находили альтернативные пути приобщения к искусству, неподвластные воле лагерных начальников.

Довольно распространенным видом творчества в местах лишения свободы была поэзия. Заключенные Озерлага декламировали стихи, как собственного сочинения, так и творения других авторов. О благотворном воздействии поэтических произведений на узников особлага «Озерный» писал известный отечественный поэт и писатель А.В. Жигулин, неоднократно обращавшийся в своем творчестве к лагерной теме: «Бывало, зимними вечерами я рассказывал своим товарищам о Есенине и читал его стихи. Аудитория была особенная и разная – не верившая ни в бога, ни в черта, но Есенин примирял людей, заставлял таять лед, накопившийся в их душах. В стихи Есенина они верили (выделено в тексте. – О.А.). Самые разные люди – бывшие бандиты и воры, и бывшие офицеры, инженеры, и бывшие колхозники, рабочие – слушали стихи Есенина с огромным удивлением и радостью. Некоторые порою смахивали с глаз слезы... Стихи Есенина не надоедали, люди готовы были слушать их по многу раз – как слушают любимые песни. И не только русские или украинцы собирались на эти чтения, но и молодые литовцы, хорошо освоившие русский язык, и узбеки, таджики. Таджики часто просили прочитать «Персидские мотивы» [3, с. 141–142].

Нередко творческое умение некоторых осужденных использовалось должностными лицами лагеря и их родственниками в личных целях. Особо ценились работы художников. На лагерном пункте № 058 писа-

тель Б.Д. Четвериков по настоянию жены начальника колонны рисовал картины, которые она затем продавала [20, с. 94]. Призывы использовать художественные таланты невольников звучали и на заседаниях лагерного руководства. Выступая в феврале 1950 года на собрании партийного актива Озерлага, заместитель начальника отдела МГБ Ципилев говорил: «Художники в лагерных пунктах рисуют хорошие картины для начальников лагерных подразделений. Надо это сделать доходной статьей, чтобы картины рисовались за соответствующую плату кому бы то ни было, чтобы средства поступали в советский бюджет» [4, л. 47].

В целом, основными задачами идеологического воздействия на заключенных Озерного лагеря в период сталинского руководства являлось обеспечение особого лагерного режима и выполнение производственных планов. Культурно-воспитательной работе в этом процессе отводилась второстепенная роль. Лагерная администрация особо не стремилась перевоспитывать осужденных за «контрреволюционные» преступления, а тем более заниматься их культурным просвещением. В результате чего, к началу 1950-х гг. в особлаге № 7 была свернута работа культбригад и запрещены все виды художественной самодетельности на лагерных пунктах «особого контингента».

После смерти Сталина условия содержания заключенных в особых лагерях, в том числе и в Озерлаге, смягчились. В тот период наряду с режимными послаблениями в подразделениях лагеря стала оживать и культурно-воспитательная работа. На смену прежним универсальным культбригадам пришли кружки художественной самодетельности (драматические, хоровые, музыкальные и др.). И хотя участники этих творческих групп уже не освобождались от общих работ, а при содержании мужчин и женщин на разных лагпунктах все женские или, наоборот, мужские роли приходилось играть противоположному полу – постановки некоторых коллективов не уступали по мастерству и зрелищности культбригадовским концертам.

В то время в число лучших входила театральная труппа колонны № 013 на

ст. Вихоревка, которая по своему составу не уступала профессиональным театрам. На вихоревских подмостках выступали профессиональные актеры из числа заключенных: П.К. Рябых-Рябовский, Н.К. Граблин, Ю.А. Аскарлов, которые помнили наизусть и роли, и клавиры. Оркестром руководил Валентин Манфко, а театральным художником Руфин Ананьин и Всеволод Чеусов писали великолепные декорации, руководили бутафорами и костюмерами. На сцене ставились оперетты, драмы, комедии. При этом все женские роли играли мужчины, что, однако, не сказывалось на зрелищности постановок. Неслучайно концерты творческого коллектива пользовались неизменным успехом у товарищей по несчастью: «Набившись до отказа в длинной кухне барака, люди терпеливо вслушивались и всматривались в настоящую жизнь, ожидая и находя в ней так необходимую веру в торжество настоящей справедливости» [19, с. 375]. Кстати, по итогам смотра художественной самодеятельности, проводившегося в Озерлаге в мае 1953 года под эгидой «улучшения клубно-массовой работы» и «повышения идеологического содержания программ кружков художественной самодеятельности», творческая группа колонны № 013, наряду с коллективами лагерных пунктов № 021 и 027, была признана лучшей по управлению лагеря. Победители конкурса были «премированы литературой и музическим инструментом» [8, л. 9].

В то время уже явно стало проследимым стремление лагерного руководства идеологизировать художественную самодеятельность заключенных. Неслучайно по итогам упомянутого смотра творческих коллективов администрацией Озерлага отмечались следующие «недостатки»: «...безыдейность в подборе репертуара, упадничество, любовная романтика, что не воспитывает у заключенных культурных навыков и привычек, а наоборот, действует на сознание отрицательно» [8, л. 9]. Данная тенденция сохранилась и после переименования в 1954 году особлага № 7 в Озерный исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ). Более того, к середине 1950-х годов наряду с некоторым облегчением режима в Озерлаге происходило усиление идеологической об-

работки заключенных. Выступая на 4-й партконференции лагеря (26–27 апреля 1954 г.), начальник политотдела Озерного ИТЛ И.И. Цариков, считавший, что прежде идеологическая обработка была недостаточной, сообщал: «Существовало ошибочное мнение, что, поскольку в особых лагерях содержатся люди, осужденные за политические преступления, незачем даже пытаться воздействовать на их идеологию... Понятно, что ни о каком политическом и культурном воспитании при таком положении дел не могло быть и речи, наоборот, получала простор антисоветская агитация, так как она не встречала никакого идеологического противодействия» [9, л. 5].

Стремясь устранить подобное «упущение» в перевоспитании «государственных преступников», Министерство внутренних дел приказом № 00250 от 26 марта 1954 года отменило временную инструкцию по культурно-воспитательной работе среди заключенных, содержащихся в особых лагерях, и ввело инструкцию № 0433 от 26 февраля 1952 года для исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР. По словам того же И.И. Царикова, «согласно этой инструкции... разрешены все формы идеологической и культурно-воспитательной работы... основными задачами этой работы являются:

а) повышение сознательности заключенных путем повседневного разъяснения внутренней и внешней политики Советского государства и систематическое освещение успехов коммунистического строительства в стране;

б) организация трудового подъема среди заключенных на основе развернутого массового трудового соревнования;

в) систематическое разъяснение советской исправительно-трудовой политики и обеспечение на этой основе добросовестного соблюдения заключенными трудовой дисциплины и лагерного режима;

г) повышение общекультурного уровня заключенных» [9, л. 7].

В целях повышения «эффективности» «политико-воспитательной» работы в Озерлаге под крылом лагерного начальства были созданы «самодеятельные общественные организации заключенных»: «со-

веты актива» с различными секциями, «культурно-просветительные советы», «советы коллектива», «советы отрядов», «товарищеские суды». Активисты этих «объединений», поддерживая контакты с администрацией, доносили на нарушителей режима: предупреждали о готовящихся побегах, выявляли и преследовали инакомыслящих. В протоколе 5-й партийной конференции Озерного ИТЛ (9–10 декабря 1955 г.), обобщавшем факты подобного рода, содержалась оценка деятельности этих «общественных» объединений: «Большое содействие в перевоспитании заключенных оказывают лагерной администрации и политотделу самодеятельные организации заключенных – советы актива с их массовыми секциями и товарищеские суды» [11, л. 6].

Насаждение упомянутых «общественных организаций» обострило внутрилагерные взаимоотношения. Бывший узник Озерлага А. Шифрин вспоминал: «Закручивать гайки», как говорят в лагерях, начали с создания «красноповязочников» («дружинников») и преследования тех, кто был против них... , сажали в карцер за малейшее сопротивление этим внутренним предателям. Атмосфера в зоне была отвратительная: «стукачи» подняли голову» [21, с. 275].

Отношение большинства заключенных к деятельности «советов» и их членам было негативным. Люди честные, духовно не сломленные, как могли, боролись с этим явлением. В официальных документах нередко сообщалось о расправах с «активистами общественных организаций». Так, в докладной записке «О проведении политико-воспитательной работы среди заключенных Озерного ИТЛ за 1960 год» сообщалось: «...за активную работу в секции общественного порядка был избит заключенный Ника. В мае месяце подвергся избиению со стороны злостного нарушителя режима заключенного Мозгового представитель совета коллектива лагпункта № 8/1 Мещеряков. На лагпункте № 2/1 неизвестным до сего времени преступником совершено убийство одного из активистов подразделения заключенного Кардакова. Факты физической расправы над членами акти-

ва имели место и в ряде других подразделений» [13, л. 26]. Кстати, для недопущения подобных случаев в 1961 году был издан указ о смертной казни «за террор против исправившихся (то бишь против стукачей) и против надзорсостава» [17, с. 338].

Важное место в идеологической обработке заключенных отводилось беседам, лекциям и докладам, на которых освещались как общеполитические вопросы (международная обстановка, социально-экономическое развитие и общественно-политическая жизнь Советского Союза и другие), так и более узкие специфические темы, адресованные различным группам лагерников. Так по информации начальника политотдела Озерлага Курилина, в 1960 году «проведено несколько политбесед, направленных на показ действительного равноправия и дружбы народов СССР, разоблачение реакционной сущности буржуазного национализма. В числе их беседы на такие темы: «20 лет в едином и нерушимом строю советских народов» (в связи с присоединением прибалтийских республик – Латвии, Литвы, Эстонии к Союзу ССР», «Расцвет украинской социалистической литературы и искусства». На антирелигиозные темы проводились беседы, главным образом, с заключенными женщинами 14 сельхоза, где содержалось 197 человек сектантов. Типичными темами бесед были следующие: «Наука и божье всемогущество», «О религиозной сущности иеговизма», «Какую мораль проповедует религия» и другие» [13, л. 3].

Заключенные понимали истинную цену подобных мероприятий. Как вспоминала бывшая узница Озерлага М.А. Улановская, «настоящим бичом были политзанятия и времени было жаль, и, главное, не хотелось участвовать в комедии. Этого я избегала всеми возможными способами» [19, с. 347].

В политико-воспитательной работе в местах не столь отдаленных использовалась и лагерная «пресса». Кроме многочисленных стенгазет в Озерном ИТЛ для заключенных издавалась многотиражная газета «На стройке». На ее страницах регулярно печатались материалы, изобличающие различные проявления инакомыслия. Об их содержании сообщал начальник по-

литотдела Озерлага подполковник Курилин в докладной записке «О проведенной политико-воспитательной работе среди заключенных за 1960 год»: «Частыми были выступления газеты «На стройке» со статьями, разоблачающими враждебную антинародную сущность национализма, организовывались выступления заключенных, осужденных за националистическую деятельность, которые в своих статьях разоблачали гнусные дела украинских националистов, раскаивались в совершенных преступлениях и призывали честным трудом искупить вину перед Родиной» [13, л. 14].

Важными формами идеологического воздействия на диссидентов, по мнению озерлаговского руководства, являлись кино, театр [13, л. 56]. Правда, вкусы тюремщиков и заключенных не всегда совпадали, ибо различными были исходные установки и цели просмотров. В справке «О проводимой политико-воспитательной работе среди осужденных за особо опасные государственные преступления» (январь 1960 г.) подчеркивалось, что «осужденные за особо опасные государственные преступления лучше воспринимают концерты с «легким» жанром и хуже драматические, глубоко идейные спектакли, особенно революционного характера». В частности, в отчете «О состоянии культурно-воспитательной работы политотдела за 1-е полугодие 1954 года» упоминалось о том, что «на 05 лагпункте украинские и белорусские националисты во время демонстрации кинокартины патристического содержания выражали общее недовольство Советским общественным строем» [10, л. 5]. «Это, однако, – продолжали авторы справки «О проводимой политико-воспитательной работе...», – не значит, что мы идем по более легкому пути у них на поводу, мы стремимся создать драматические коллективы из числа участников художественной самодеятельности, которые ставят на сцене высоко идейные и революционные произведения» [13, л. 56]. Идеологическая обработка заключенных велась и в библиотеках лагеря на «читательских конференциях», «литературных вечерах», «книжных выставках», в «специальных литературных листках». Особую

роль отводили изучению трудов классиков марксизма-ленинизма [13, л. 55–56].

В едином ключе с библиотеками работали и лагерные радиоточки. По информации политотдела Озерлага, «для проведения методической антирелигиозной пропаганды» в лагерных подразделениях организовано «систематическое чтение по местному радио антирелигиозной литературы, в частности, «Библии для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского с обязательным приведением примеров из местной жизни и деятельности отдельных «верующих» с указанием фамилий» [13, л. 56].

Целям идеологического воздействия на заключенных служила и наглядная агитация на лагерных пунктах. Как отмечалось в докладной записке «О состоянии агитационно-массовой работы среди осужденных в Озерном ИТЛ» от 29 июля 1958 года, «во всех лагподразделениях ИТЛ оформлена наглядная агитация. Много плакатов и лозунгов, призывающих покончить с преступным прошлым и встать на путь честной трудовой жизни» [12, л. 27].

Таким образом, заключенные Озерного лагеря подвергались постоянному идеологическому воздействию, основными задачами которого в годы сталинского правления являлись обеспечение режима, внутреннего распорядка и выполнение производственных заданий, а «перевоспитанием» «особого контингента» заключенных особо не занимались. Изменения, произошедшие в особлагах после смерти И.В. Сталина, сопровождались усилением политико-воспитательной работы с политзаключенными. В подразделениях Озерного ИТЛ стали применяться разнообразные формы идеологической обработки осужденных: от проведения на лагерных пунктах бесед, лекций и докладов на политические темы до создания «под крылом» лагерной администрации «общественных организаций заключенных», главным назначением которых являлась борьба с проявлениями инакомыслия в лагере. Заключенные Озерлага, как и остальные узники Гулага, испытывали не только физические мучения от тяжелой работы и условий лагерного быта, но и переживали систематическое духовное насилие, вынуждены были противостоять

тотальной идеологической обработке, чтобы не надломиться духовно, сохранить от

разрушения свою личность.

Статья поступила 31. 05. 2014.

Библиографический список

1. Быстролетов Д.А. Записки из живого дома // Кодры. Молдова литературная. 1990. № 10.
2. Вайль Б. Особо опасный. Лондон : Overseas Publications Interchange, 1980. 400 с.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) Ф. 5342. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 62.
6. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 79.
7. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 155.
8. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 208.
9. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 280.
10. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 288.
11. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 361.
12. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 532.
13. ГАНИИО. Ф. 5342. Оп. 1. Д. 638.
14. Жигулин А.В. Черные камни. М. : Кн. палата, 1989. 240 с.
15. Озерлаг: как это было / сост. Л.С. Мухин. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 464 с.
16. Слово (Усолъе-Сибирское), 1994. 20 декабря.
17. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: т. 3. М. : ИНКОМ НВ, 1991. 384 с.
18. Театр ГУЛАГа / сост. М.М. Кораллов. М. : Мемориал, 1995. 168 с.
19. Улановская Н., Улановская М. История одной семьи. М. : Весть-Вимо, 1990. 432 с.
20. Четвериков Б.Д. Всего бывало на веку: Воспоминания. Л., 1991. 146 с.
21. Шифрин А. Четвертое измерение. Frankfurt / Main : Possev – Verlag, 1973. 452 с.
22. Štajner K. 7000 jours en Sibirie. Paris : Gallimard, 1983. 422 p.

Сведения об авторе

Афанасов Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 89025795892, e-mail: olaf-1@mail.ru

Afanasov Oleg Vladimirovich, PhD, Associate Professor of Department of History and Methods of Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Irkutsk State University, 1 K. Marx St., Irkutsk, 664003, Russia, tel. 89025795892, e-mail: olaf-1@mail.ru